

Надежда Нелидова ГОСПОДИН ЭКСПРОМТ. КНИГА 1. БАШНЯ АТТРАКЦИОНОВ

БАШНЯ АТТРАКЦИОНОВ

С трудом раздобытый номер мобильного не отвечал, и я подкараулила её после работы. Из проходной вышла миниатюрная хрупкая женщина в туго подпоясанном светло-бежевом плащике. Короткая пышная стрижка — как тронутый седой изморозью цветок марагаритки. Большие вопросительные глаза на маленьком личике. Женщина — Дюймовочка. Смотрит снизу вверх, так что квадратные очки съезжают с птичьего носика:

— Это вы та настырная особа из газеты, которая рвётся со мной встретиться? Как с кем вы хотели со мной встретиться?

— Как с матерью, столь ужасно потерявшей сына...

Она повторила задумчиво:

— Как с матерью. Столь ужасно. Потерявшей сына. — Устало удивилась: — Вы это печатать хотите? Со всеми несчастными матерями уже

встречались? Или решили начать с меня? Господи, зачем вам это? Хотя ведь не отстанете. Где встретимся?

— А давайте прямо и в Башне Аттракционов.

— Понимаю, — усмехнулась она. — Мрачная, жуткая, душераздирающая атмосфера. Этого ведь ждут от вас читатели? Крови, боли, чужого страдания? Мало вам... Но разве башню не закрыли?

— Опечатали, но охрану, кажется, сняли.

До Горбачёва, по генплану наш город к 2015 году должен был вырасти — и, несомненно, вырос бы — в три раза. Там, где сейчас болота и непролазный ивняк — стояли бы кварталы гулких розовых многоэтажек. Между ними, как грибочки, теснились бы крепкие весёлые семейства садиков и школ, уютно звенели трамваи. Трамваи в наш город так и не пришли. Город стремительно стареет и растёт в обратную сторону. Усыхает, съёживается, мумифицируется, как мёртвый плод.

Так вот, о запланированной, но не рождённой, призрачной части города. Чтобы обеспечить её теплом, старых мощностей не хватило бы. Над городом всегда висела промышленная дымка, в последнее время в ней слышался стрекозиный треск вертолётов. На окраине воздвигалось нечто выдающееся, из ряда вон. В воздухе на серебристых

паутинках тросов с обманчивой лёгкостью зависали бетонные кольца, издали похожие на обручальные. В один ясный ветреный день горожане подняли головы и ахнули: на окраине, словно по мановению волшебной палочки, взметнулась труба новой ТЭЦ. Вершина дебелой красавицы таяла в голубом небе.

Как раз подросла перестройка. Некоторое время заброшенная красавица в унынии и недоумении стояла, покачиваясь, отклоняясь вершиной от оси на положенные при её росте и тучности 1,5 метра. Вскоре у башенной туши снова засуетились, как муравьи, люди с техникой и нужными бумагами за подписью некоего малоизвестного Фрумкина — молодые да ранние птенцы отечественного бизнеса.

Бумаги давали отмашку: тащите, сколько можете. Что не взорвал тротил, и не увезла тяжёлая техника, растаскали в багажниках и в тачках горожане. Труба, построенная на века, продолжала стоять плакатно, прочно — у мародёров кишка была тонка её свалить. Разодрали, распотрошили лишь её обивку, оболочку.

Спустя время неугомонный люд вновь нарушил сон спящей железобетонной красавицы. Успешный бизнесмен и депутат, миллиардер Фрумкин долгосрочно арендовал башню — после того, как строгая экспертиза доказала прочность и безопасность несущих конструкций.

Когда в один прекрасный вечер горожане в очередной раз ненадолго очнулись от летаргического сна и протёрли опухшие сонные глаза — перед ними нарядно переливалась опоясанная огнями, бегущими строками, музыкой, рекламными табло башня — сразу ставшая яркой, лёгкой, кружевной. За многие километры над спящими холмами и ельниками, над тонущими во тьме и грязи фермами и избёнками, где крестится высохшей рукой разбуженная простоволосая старушка, зазвучали размноженные эхом вкрадчивые голоса зазывал: «Дамы и господа! Леди энд джентльмены! Уважаемые гости города...»

Будучи патриотом местного разлива, Фрумкин сделал шикарный предвыборный жест: разрешил землякам одноразовое бесплатное посещение башни. Кто там бывал, захлёбываясь рассказывал о снующих вверх-вниз прозрачных, святящихся изнутри крошечных яичках лифтов, где стеклянный пол под ногами так чист, что его не видно вовсе, и ноги висят в воздухе, а сердце яблоком подкатывается к горлу. Лес кажется кудрявой травкой, река — затерявшейся в травке девчоночьей шёлковой ленточкой, дороги — муравьиными тропками, а город — разбросанными маленькими деталями лего.

Башня Аттракционов заимела бешеную популярность далеко за пределами области. Сюда

со всех сторон слетались частные вертолёт, тряслись по ухабам внедорожники и пробивались сквозь дремучие леса и непроходимые болота вездеходы. В подвалах башни размещалось казино «Вечная ночь»: чёрные бархатные драпировки, треск игральных аппаратов, звон сыплющихся монет, жужжание рулеток, оглушительные стрелялки. Никогда не пустовали бары, рестораны, сауны, роскошные номера для гостей и массажные кабинеты.

Для любителей ужасиков узкая винтовая лестница вела в боковой полуосвещённый коридор с настоящим привидением. Привидение зависало в воздухе, фосфоресцировало, развевало саваном, опаживая лица ледяным могильным дыханием, материализовалось буквально из камня и в камне же исчезало. Был аттракцион «Грот сокровищ», в который можно было пробраться только сквозь равномерно, с лязгом смыкающиеся громадные зубастые пасти акул и доисторических рептилий...

Башню обвивала крутая спираль водяных горок. На бешеной скорости с грохотом носился паровозик: вагончики с обманчивой шаткостью описывали круги по рельсам, висящим в воздухе. Смелчаки прыгали на тарзанках вниз, упруго подсакивая и раскачиваясь, как гуттаперчевые пауки на резинках. На мостике повыше,

обустроенной для бейсджампинга, толпился народ солиднее, при специальной амуниции.

Были русские качели с расписными лодками, в которых взмывали под облака визжащие компании. Для экстремалов предлагались так называемые детские качельки: простая излохматившаяся верёвка с узенькой дощечкой. Внизу, в соответствии с техникой безопасности, растягивалась страховочная сетка. Говорили, за дополнительные деньги (желание клиента — закон) страховка убиралась.

Ходили ещё разные чудные слухи о тайных развлечениях, закрытых клубах для своей, проверенной, ищущей выброса адреналина клиентуры. Уводили в бездну узкие, как стрелы, балки и стропы, где дурачились и кривлялись, снимая себя на камеры, безбашенные руферы.

Была так называемая площадка для самоубийц, желавших с комфортом свести счёты с жизнью. Человек выпивал бокал хорошего вина (бонус от заведения), заказывал любимое блюдо и любимую мелодию, выкуривал последнюю сигарету, стряхивая пепел в бездну под ногами. Задумчиво покачивая башмаком, любовался на горизонт, где огоньки города сливались со звёздным небом... Красиво, чёрт побери: любой каприз за ваши деньги.

Затем вставал на выступ с прорезиненным покрытием (чтобы не поскользнуться и не оконфузиться в самый ответственный момент) — и сигал в черноту ночи. Не подозревая, что в метрах пяти внизу уже бесшумно выполз готовый принять его в свои объятия упругий тент... Сюрприиз! Ну, конечно, дежурил штатный психотерапевт — отдельные клиенты слабее после такого аттракциона нуждались в его услугах всю жизнь.

Также (по слухам, господа, по слухам!) за отдельную плату тент мог и забыть выползти. В этом случае у подножия башни, якобы, ждал дворник со шлангом замывать асфальт и частная «скорая»: зафиксировать кончину и подбросить тело к какой-нибудь городской многоэтажке.

На самой высокой 260-метровой точке располагалась смотровая вышка «С высоты птичьего полёта». Здесь неистовый дружище-ветер рвал, надувал пузырями одежду, сбивал с ног — его в весёлом ужасе перекрикивали, цеплялись друг за друга и за низенькие, ходящие ходуном символические перильца. И ещё было много всяческих аттракционов: Фрумкин умел выжимать копейку из камня — не то, что из высоты.

Первым закрыли аттракцион «Привидение»: после того, как в тёмном коридоре исчез пьяненький гость. Его нашли случайно: из-под

отвалившейся штукатурки высунулся истлевший кусок брюк. Привидение — он же отставной спившийся актёр муниципального театра — на допросе сознался, что замуровал гостя заживо. В суде он кричал, что не виновен, но они же все это в суде кричат. Его поместили в психиатрическую клинику, откуда он сбежал — и буквально растворился, растаял, ещё раз подтвердив, что был рождён для роли привидения.

Благодаря вызубренной роли, он прекрасно знал внутреннее устройство Башни и подземных коммуникаций и был неуловим... В скором времени вскрылись странные несанкционированные — не по своей воле, так сказать — случаи падения клиентов с «площадки самоубийц». Фрумкин замял инцидент, но тучи над его детищем сгущались.

Слухи о таинственных смертях в Башне распугали клиентуру, индустрия экзотических развлечений пошла на убыль. Когда одну истерзанную в хлам бизнес-вумен, старушку с голубыми, как у Мальвины, волосами, вытащили из зубов робота-акулы (поролоновые акульки зубы были тут не причём), Башню распорядились закрыть. Фрумкин недолго горевал о пропавших миллиардах и удрал за границу, от греха подальше.

Консилиум экстрасенсов на мистическом ТВ-канале договорился до того, что объявил башню

символом разрушенной социалистической экономики, за которую мстит некий идейный сумасшедший язычник и приносит жертвы своей могучей поруганной богине. Заезжий знаменитый маг, в свою очередь, организовал на радио цикл передач о злобном гомункуле, который якобы породил не появившийся на карте, канувший в доперестроечной дымке город-призрак.

Однако люди продолжали исчезать в башне совсем не призрачно. Кажется, маньяк и впрямь имел к ней слабость, скучал о ней. Дабы не распространять панику, местным СМИ запретили упоминать башню в криминальных новостях — но это лишь подогрело слухи.

Передаваемые из уст в уста подробности зверств обрастали такими деталями, от которых у нормального человека съезжала крыша. Ясно одно: несчастным, попавшим в лапы серийного убийцы, оставалось молить о как можно менее мучительных и более скорых смертях. Увы, судя по данным судмедэкспертиз, они растягивались для бедолаг надолго.

В моду вошло носить на шее, вместо медальонов, капсулы с порошком «Антиманьяк». Якобы в растворимых капсулах находился то ли быстродействующий яд, то ли золотая доза наркотика — на случай, если душегуб утащит тебя в своё логово. Ам — и лапки кверху, и ты уже с

того света гримасничаешь и дразнишь распухшим лиловым языком обескураженного маньяка: э-э, что, обломилось, псих?

Капсулы можно было достать только на чёрном рынке, и ценились они на вес золота. Хотя, скорее всего, в них был насыпан толчёный мел — поди проверь. Не исключено, что неугомонный Фрумкин из-за границы делал на поставке антимастьячных капсул очередные бешеные деньги.

Власти, что называется, расписались в собственном бессилии. Город прочно оккупировал страх. Нужен был человек, который бы сколотил вокруг себя круг из таких же отважных сильных людей, организовал что-то вроде народной дружины. Объявил на маньяка народную охоту.

Ветер посвистывал в башенных окошках-бойницах, раскачивал остатки скрипучих лесенок и тросов, трепал сухой бурьян вокруг. Громоздились вывороченные бетонные глыбы, опутанные торчащей ржавой арматурой — всё, что осталось от гигантской, величиной со стадион, градирни и корпусов ТЭЦ. Когда-то Фрумкин с умыслом оставил их как внешние декорации — и не прогадал. Гости из-за бугра цокали языками и щёлкали на мобильники величественные и ужасные останки социалистического колосса. Лучшего места

для съёмок фантастического фильма о ядерном взрыве или падении метеорита было не найти.

Я предложила женщине укрыться от ветра внутри башни. Мы точно ступили внутрь гигантского часового механизма, где навсегда застыли громадные ржавые шестерни, маятники и пружины, когда-то приводившие в действие головокружительные фрумкинские аттракционы.

Что-то из гнилой капиталистической роскоши было вынесено, что-то сломано. Выпотрошенные бархатные кресла, обломки барных стоек из полированного красного дерева, бронзовые завитки канделябров, куски мраморных статуй... Бетонные стены, кажется, всё ещё хранили отголоски недавних весёлых ночей: эхо оживлённых возгласов и кипения шампанского, обрывки музыки, стук бильярдных шаров. В пыльных тенётах запутался обворожительный женский смех...

Моя спутница боязливо вздрагивала и озиралась при громком хрусте битого стекла и извёстки под каблуками, повторяя: «Не стоило нам сюда приходить». Видя, что я продрогла, нерешительно предложила горячий кофе. Поболтала остатки в маленьком термосе:

— Осталось с работы. После той трагедии по ночам стойкая бессонница. Днём, если себя не подстегну, с ног валюсь.

Тёплым майским днём вместе с другими родителями она сидела в сквере перед школой, ждала, когда на крыльцо с весёлым весенним гомоном выплеснутся выпускники с алыми лентами через плечо — вместе с ними её Максимка. Тут же молодые мамочки выгуливали своих малышей.

— Сынок, не уезжай далеко!

Пухлый шустрик лет четырёх, гордо крутя педали толстенькими ножками, нарезал круги вокруг школы. Новенькие велосипедные колёса сверкали как солнышки.

— Сынок, пора домой!

Давно ли её Максимка так же гонял здесь на велике... Правда, тогда в голову не приходило тревожно окликать детей каждую минуту, быть настороже, глаз не спускать. Время было другое. Солнце зашло за облако, широкая тень напозла на посеревшие кусты и дорожки, и сразу женщины знобко передёрнули плечами, полезли за кофточками.

— Мальчика не видели? Он на велосипеде за школу заехал, буквально минуту назад? Там, кажется, люки неплотно прикрыты...

Территорию вокруг школы усыпали встревоженные люди. Среди них нарядными пятнышками выделялись выпускники с лентами и

цветами, с вмиг посерьёзневшими нахмуренными лицами, вмиг выдернутые из беспечного детства.

Максимка с друзьями лазил в канализационные шахты, перепачкал костюм и белоснежную рубашку. Он первым и наткнулся на солнечного пацанчика, вынес его на руках. Мать пригнула, притянула к себе сыновнее побледневшее, осунувшееся лицо. Максим морщился и отворачивался, чтобы скрыть слёзы.

Он всегда был таким — будто его грубо выдернули из позапрошлого тепличного века. Вступая в спор, отстаивая свою точку зрения, он задыхался от волнения, лицо шло нежными розовыми пятнами. Когда классом ехали в автобусе — даже девочки разваливались и не уступали место старикам — вскакивал один Максимка, учтиво одёргивал штопаную курточку. Стойко сносил насмешки одноклассников: «Ой-ой, какие мы вежливые!» «Слизняк!» «Лыцарь старушечий!»

Престарелая учительница говорила матери: «Берегите его — такие горят за идею». И, отходя с трясущейся головой, суеверно бормотала под нос: «Такие не живут долго». Что с неё взять, старая маразматичка.

Пропала Максимкина девушка. Они собирались на пикник, но декан упросил его пошарить в каталогах институтской библиотеки в

поисках какой-то древней книги. Тело девушки нашли вздетым на крюке высоко в теле Башни. Издали казалось, что на вешалке болтается короткое весёленькое, в горох, платьице.

— Мама, это я виноват! Мама, если бы я был с ней — этого бы не случилось! — Максим бился в материных руках. До того он неделю лежал вытянувшись на кровати, со стиснутыми кулаками (когда их разжали, в ладонях от впившихся ногтей остались рубцы). На восьмой день он всхлипнул и разразился мальчишескими ломкими рыданиями. Мать плакала с облегчением, их слёзы смешивались на слепо-щенячьих тычущихся друг в друга мокрых лицах.

Поздней осенью мать узнала, что сын с друзьями сговорились дежурить у Башни: устраивать ловушки, засады на маньяка, самим выступать в роли подставы.

— Не пущу, и не думай!! — крикнула она.

— Я совершеннолетний, мама. Я изловлю эту мразь и приволоку на городскую площадь.

Та зима казалась бесконечной, а ночи бессчётны. Каждый час она набирала Максимку, и тот смеющимся (всё для них игра, что взять с мальчишек: охотники за маньяком!) шёпотом отчитывал её:

— Ма, из-за тебя мы никогда его не поймаем. Все мамы как мамы, одна ты... У него звериный слух, он даже вибрацию телефона может учуять... Ты всегда ругалась, что я мало провожу времени на свежем воздухе. Считай, у меня ночной моцион. Всё, целую, ложись спать.

Какое спать. Однажды его телефон не ответил. Она не забилась в истерике, как другие матери юных сыщиков, у которых также в эту ночь замолчали сыновние телефоны. Страшно, грешно признаться, но она подспудно, со страхом ждала этого, мысленно давно была готова к худшему. Сжимала тёплую нагретую трубку, будто это была рука Максима, последняя связь с ним. Она могла поклясться, что на миг экранчик высветился, и донёсся его далёкий крик: отчаянный, изумлённый, полный муки.

...Какие-то мужчины неловко, неуклюже топчась, толкаясь, мешая друг другу, внесли в спальню на второй этаж тело сына — она видела запрокинутое белое, без кровинки, милое лицо, отчего-то казавшийся огромным каменный лоб с запёкшейся кровью, рассыпанные густые волосы, в которые набился плотный мартовский снег.

Она приказала всем уйти, накинула цепку, повернула ключ. Тяжкой старухиной поступью поднималась вверх по лесенке: исхоженной, истёртой милыми быстрыми ногами.

— Не плачь, — услышала над собой ясный спокойный голос. — Я жив.

Сверху вниз на неё смотрел Максим. Хорошо, что она нащупала спиной стену и сползла по ней на ступеньку — иначе расшиблась бы насмерть.

— Мам, дай, пожалуйста, кровоостанавливающие салфетки, — просто попросил он. — Пришлось себя немного порезать, чтобы не вызвать подозрений.

— Жив! Господи, жив!.. — взрыдала она. — И ребята живы?!

— Они оказались глупы и доверчивы, как кролики. — Сын утирал окровавленный лоб, озабоченно рассматривал запачканную руку. — Я, одному за другим, подкидывал им мысль, что маньяк находится среди нас — заметь, я не лгал. И они охотно поверили в триллер про Чужого и по очереди рьяно помогли мне нейтрализовать друг друга! Это было так любезно с их стороны.

— Значит, это ты... С самого начала делал зло. Зачем?!

— Зло не имеет объяснения, — нехотя, буднично сказал Максим. Он устало опустил на корточки, свесив натруженные сильные, молодые руки. Рядом бережно уложил нож в каких-то засохших бурых ошмётках, и то и дело поглядывал на него.

— Зло бесконечно и бессмертно. Оно зародилось вместе с человеком и уйдёт вместе с человеком. Требовать, чтобы не было зла — то же самое, что требовать исчезновения человечества. Бороться со Злом бессмысленно, ибо оно не существует в природе как самостоятельное явление. Зло всего лишь олицетворяет отсутствие чего-либо, в данном случае — Добра. Как, допустим, темнота — ни что иное, как отсутствие света. Холод — суть отсутствие тепла. Смерть — суть отсутствие жизни... Без смерти не будет жизни. Без зла будет выхолощено понятие самого добра, ибо ему нечему будет противостоять. Таким образом, я способствую порождению Добра.

— Откуда в тебе столько безжалостности?!

— Странно жалеть то, чего нет. Жалеть нужно живых. Тех, кого наметила судьба — их уже нет, это полуфабрикат. Я вывел теорию: человек умирает ещё до своей смерти. Я смотрел в их глаза. Это были мёртвые глаза. Мне лишь оставалось довершать дело до логического конца. Я смертельно устал от *миссии довершать дела*, мама. А впереди ещё столько *дел*, — пожаловался он, как ребёнок. Так, бывало, он подбегал к ней маленьким и подставлял тёплую вихрастую голову — чтобы подула и погладила.

Ветер, залетевший в оконный провал, подхватил, опрокинул, загремел покотившимся пустым термосом. Мы обе вздрогнули.

— Я знаю одно: мой мальчик страдает. Он, такой тонкий и впечатлительный, не выживет в тюрьме... Но вы слышали: убийства продолжаются? — оживилась она. — Они доказывают: мой мальчик не виноват!

— Это слухи.

Она топнула ножкой:

— Не слухи! Не слухи! Настоящий маньяк находится на свободе! И только продолжающиеся аналогичные преступления обеспечат моему сыну алиби. Судьи поймут ошибку и оправдают его. Поймите: я мать, — жарким шёпотом, сообщнически сообщила она. — Вы на моём месте поступили бы так же. Кто, кроме меня, поддержит моего мальчика? Я просто обязана, обречена продолжать его *дело*. Я честно предупредила вас, что не стоило сюда приходить.

Я плохо понимала её — у меня кружилась голова, частил пульс: явно подскочило давление. Женщина сочувственно взгляделась в моё лицо. Поправила на озябшем носике очки, жалко, заискивающе улыбнулась:

— Вам плохо? Это действие кофе с транквилизатором, — она разжала кулачок, показала весело поблёскивающие разноцветные,

как драже, «антиманьячные» капсулы. — Вот. При случае набрала впрок... Прилягте тут, где чище. Потерпите немножко, — попросила она извиняющимся тоном. — Вам не будет сильно больно, обещаю. Я никого зря не мучаю. Ровно столько, чтобы воспроизвести почерк маньяка. И не бойтесь смерти: поверьте, она покажется вам самой мягкой, самой ласковой и желанной подушкой.

Она не спеша расстелила газетку, прижала её по краям кусками кирпича. Раскрыла сумочку и деловито принялась раскладывать что-то вроде содержимого маникюрного набора: пилки, кусачки, кривые пинцеты, острые блестящие ножнички. Она даже рассеянно замурлыкала под нос. Вот поправила съехавшие очки и задумалась над выложенными на газетку инструментами, как глубокомысленно задумывается хозяйка над вынутым из духовки пирогом.

Сквозь смежающиеся сами собой веки я смутно видела: маленькие ручки не спеша облачились в медицинские перчатки, пошевелили латексными пальчиками. Перед моим лицом закачался тугой пояс от светло-бежевого плаща: проверяемый на прочность, подбрасываемый, туго покручиваемый в воздухе.

Когда она успела его снять? Хотя это уже не имело ровно никакого значения.

КЛАДБИЩЕ ДОМАШНИХ АВТО

Иван Кирсанович славно провёл воскресный денёк. Семейй поехали на дачу, супруга Неонила Петровна занялась внуком Рустиком. Сам вскапывал уголок в саду. У соседей струился аппетитный дымок: делали шашлык из сёмги. И сразу за забором призывно замахали руки.

— Кирса-аныч! Петро-овна! К нам!

Закусывали водочку деликатесной рыбой, пели комсомольские песни. Сидели до ночи — и ещё бы сидели, да захныкал Рустик: признавал только свою постельку.

Иван Кирсаныч, кряхтя, втиснул живот за руль. Он и раньше был не худенький, а на пенсии вдруг как-то быстро и неопратно располнел. Ходил, отирая пот, отдуваясь: «Уп-па», нечаянно потрескивая на ходу, смущался: «Виноват», «Извиняюсь», «Обеспокоил».

А что в нетрезвом состоянии за рулём... Во-первых, пол-литра — по прежним временам какой же это нетрезвый? Во-вторых, Кирсаныча на дороге знала каждая собака: начальник ГИБДД в отставке.

На пенсию ушёл по возрасту. Хорошо, достойно ушёл — что редко, почти невозможно для такой сволочной должности. Ивана Кирсаныча любили, проводили с почётом. Вручили

тематическую картину местного художника под актуальным названием «Не вписались в поворот».

На большой, полтора на два с половиной метра, картине — придорожная деревенька на склоне оврага, живописно крутой изгиб трассы. Фуру здорово повело в овражек, но устояла. Тянет за собой запрокинувшийся двадцатитонный контейнер, колесо задрано в воздухе. Два заспанных детины-дальнобойщика стоят, широченно расставив ноги-столбы, крепко чешут в репах. Даже в могутных спинушках читается недоумение: «И как-де это нас угораздило?»

Из низеньких воротец, опираясь на батожок, снизу вверх выглядывает на происходящее древняя согбенная, как её избёнка, старушка. Избёнка выросла рядом с дорогой в землю и кажется игрушечной рядом с колесом. Ещё метр — мокрого места бы не осталось.

Художник тщательно, профессионально выписал детали. За кривым забором угадывается кое-какой стариковский огород. Помятые гряды с картофельной ботвой, накренившиеся капустные кочаны — как живые.

Иван Кирсаных любил картину «Не вписались в поворот», повесил в зале напротив домашнего кинотеатра. Гости тоже интересовались. Заложив руки за спину, по-петушиному скашивая головы

туда-сюда, подолгу уважительно рассматривали, сильная вещь, говорили.

Домчались до города на одном дыхании. Только в одном месте сложный поворот, немало народу бьётся — для аса, как Иван Кирсаных, раз плюнуть.

У подъезда стояло такси. Сосед сверху, таксист Серёжка спал мёртвым сном, с детски открытым пухлым ртом. Даже дверцу не захлопнул, ногу в кроссовке не подтянул из дверного проёма. Где остановился, там в ту же минуту вырубился. Рация хрипела, диспетчер устало взывал: «Седьмой, ты где, седьмой?»

Иван Кирсаных неодобрительно покачал головой. Юркие городские такси для него, ещё в бытность начальником ГИБДД, были как ёршик в заднице. Всю статистику назад тянули: что ни ДТП — то с участием такси. Шоферюги, с кроличьими от недосыпа глазами, гоняли по городу и району на скорости под двести. Время — деньги.

Иван Кирсаных осторожно вдвинул Серёжкину ногу, прикрыл дверцу.

Неонила Петровна укладывала Рустика. А Иван Кирсаных пожалел, что выпил лишку: диафрагма поджимала, набухшая печёнка упёрлась в ребро. Пробовал почитать на сон: попался

растрёпанный Эдгар По, «Король Чума» — не помогло. Обычно в таких случаях он поддевал под старый, не сходящийся на животе китель вязаный набрюшник. Заложив коротенькие толстые ручки за спину, хозяйски прохаживался по улице.

Иногда добредал до «скворечника» — дежурного поста ГИБДД. Забалтывался с ребятами, просиживал до третьих петухов. Петровна потом давала втык.

Рядом со скворечником, ещё по инициативе Ивана Кирсаныча, был воздвигнут постамент. На нём — красноречивее всякой пропаганды — памятник разбитому авто. Было дело, прямо на глазах сотрудников ДПС серебристая красавица мазда из свадебного кортежа, в кольцах и лентах, — классически, показательно, как в блокбастере, влетела в бетонное ограждение. Сзади её от души припечатала мчащаяся следом машина.

Что там от той мазды осталось — комок шоколадного серебра. Будто гигантский малыш шоколадку съел, а бумажку грубо смял в мячик.

Позже рядом водрузили ещё сладкую парочку. Лобовое столкновение: «окушка» врезалась в пассажирскую газель. Выглядывала оттуда попкой, как младенец из лона матери.

Потом пост перевели на новую кольцевую. А к памятнику уже стихийно сволакивался дорожный бой, не разбирая: колоритно — не колоритно.

Глазом не моргнули — выросло настоящее автомобильное кладбище. Местный железный король (кличка «Ржавый») огородил свалку, поставил вагончик, посадил туда сторожа. Иван Кирсаных, за неимением другого собеседника, тотчас скорешился со сторожем Николаем и уже с ним говорил за жизнь.

Потом Ржавый осел то ли за границей, то ли в тюрьме. Опечатанная бесхозная свалка приходила в упадок. Покорёженные машины покрывались снегом, поливались дождём, прорастали осотом и пыреем, превращаясь в нагромождение ржавых остовов.

Вот мимо какого печального места брёл сейчас Иван Кирсаных. И уже озяб и подумывал: не вернуться ли ему под тяжёлый тёплый неласковый бок Петровны...

Как заметил в окошках вагончика свет. «Хорошо бы это был Николай. Кому ещё в этот час здесь быть, как не Николаю?» — обрадовался Иван Кирсаных. Очень кстати было опрокинуть алюминиевую кружку с разбавленным спиртом, который всегда водился у сторожа, закусить мятым, в крошках скорлупы и табака, крутым яйцом, поболтать со старичком...

Он толкнул дверцу вагончика. Вот те на: народу — как семян в огурце. Сидят за

сколоченными на скорую руку столами. Из знакомых на другом конце стола таксист Серёжка, на каждом колене восседает по игривой девице. Махнул рукой: «Привет, дядь Вань».

Женщина, ближе всех к дверям, невзрачная, в платочке, потеснилась. Иван Кирсаных, усаживаясь, основательно её придавил («Уп-па! Виноват»).

— Вам водочки? Салатику? — ухаживала соседка.

— А что за мероприятие? — поинтересовался Иван Кирсаных.

— Мы иногда сюда съезжаемся, — пояснила женщина. — Из ваших тоже кто-то попал в аварию? Ну, их машина тоже здесь?

Всё понятно: что-то вроде совместной поминальной вечеринки. Публика собралась самая разномастная. Сидит простой мужичок, рядом дамочка — и ничего, не морщится. Хотя запашок в вагоне стоит крепкий, с тухлецей — вроде квашеной капусты. Присутствующие дамы, пытаюсь заглушить неприличный запах, буквально были облиты духами и обильно орошены дезодорантами, так что Иван Кирсаных расчихался.

Стол был накрыт, как бог на душу положил. Кто какую снедь с собой привёз, ту и выложил. В корзинках для пикника — пироги в промасленной бумаге. Селёдки, картошки в мундире и

вышеупомянутая капуста в мисках соседствовали с утончёнными, красиво выложенными блюдами. Рядом с трёхлитровыми банками с мутным самогоном — изящные, в вензелях и звёздах, бутылки. И все друг друга гостеприимно угощают. Только одна дамочка замерла с наколотым на вилку кружевным ломтиком киви, подёргала носиком и говорит:

— Фу! Фруктовый салат порезали луковым ножом!

Посуда тоже с бору по сосенке: кто-то пьёт из тонких бокалов, кто-то, не чинясь, из мятых одноразовых стаканчиков. Одни тыкают еду мельхиоровыми вилочками, другие — пластиковыми. Но всем дружно и весело: в рамках приличия, конечно, весело — поминки всё-таки.

Однако стоит кому-то возвысить голос, строго постучать вилкой по тарелочке — все дисциплинированно умолкают и уважительно смотрят в сторону оратора. Даже если оратор — соплюха в коже и бандане.

— Она вообще совершеннолетняя, для такой вечеринки? — шепнул Иван Кирсаныч соседке.

— Паспорт на руках! — невежливо заявила девица и покачнулась. — Вот и моя Светка справляла день соврешен...совращен...летия. И один такой же (брошен неприязненный взгляд на Ивана Кирсаныча) слишком умный дядечка встаёт

и произносит тост. «Пусть, говорит, Светлана (она всхлипнула), пусть, говорит, невестушка ты наша, тебе всегда будет цветущие 18 лет! Выпьем за это! Чтобы ты всегда оставалась таким бутончиком — розанчиком — симпапунчиком!» Нет, ну не кретин — желать такое?! Потому что (девица смахнула злые пьяные слёзы)... желание сбылось. Добились своего, кушайте на здоровье. Невеста на байке упала в круты берега. Теперь ей вечные 18 лет. Всё, — она села.

За столом повисла сочувственная пауза. Повисела, и снова возобновились разговоры, деликатный смех, звяканье посуды. Среди шума выделялся и креп голос мужчины в спортивной курточке. Постепенно он завладел вниманием вечеринки.

— Вот мы... — он показал растопыренные, плохо отмытые пальцы с грязными ногтями, — люди от земли. И соседи по даче спины не разгибают. Выехали, значит, соседи на машине по делам в город. А пекло с утра стоит, на солнце пятьдесят градусов.

На полдороге охнули: теплица не открыта, помидоры горят. Муж говорит: «Вернёмся». Жена: «Нельзя возвращаться — плохая примета». Муж, ясно, нервничает. Перед глазами увядшие, поникшие помидоры. Каждый куст как ребёнка выхаживал. Задумался и... пролетел на красный

светофор. Царство небесное ему и пешеходу, что под горячее колесо подвернулся. Самое обидное: у жены ни царапины. Небось, дома эта дура в первую очередь теплицы открывать бросилась, потом уже в ритуальное агентство звонить. А двух мужиков на свете нет. Слушай этих баб. Примета ей плохая.

Все вздохнули и выпили не чокаясь.

— А моей подруге, — это заговорила красивая дама, — в детстве цыганка нагадала смерть от осы. И экстрасенс тоже предсказала: остерегайтесь большого полосатого насекомого... Вообразите, так и вышло!

Все замолчали, даже руки с бокалами застыли в воздухе.

— Позвольте, — в полнейшей, гробовой тишине, кашлянув, сказал человек со шрамом. — Вы, кажется, новенькая? Вы нарушаете устав...

— Устав, устав! — закричали все и повскакали с мест. Иван Кирсаных удивился, как обозлили гостей слова дамы. — Какая наглость! Из-за осы!

— Из-за осы, — подтвердила дама. — Но выслушайте же до конца. Подруга с мужем ехала в машине из гостей. И вдруг вскрикнула таким диким голосом, что муж от неожиданности резко вывернул руль. Он, конечно, был изрядно пьян — а тут, вообразите, ещё под ухом кричат. Машина

опрокинулась на пассажирскую сторону... А муж потом действительно обнаружил осу: она-то и испугала жену, влетев в открытое окно.

Концовка истории вполне пришлась по душе присутствующим.

— Нет, что ни говорите, а всем им очень повезло, — с вызовом заявила блондинка (очень во вкусе Ивана Кирсаных, он ей всё подкладывал колбаски). — Секунда — и не успели толком ничего понять. Многие предпочли бы такую лёгкую смерть. И звучит красиво и трагически, правда: «Погиб в автокатастрофе»? Не то что, скажем... умер от свиного гриппа. Фу!

Можно быть роковой красавицей, — развивала она свою мысль, — но, представьте, красавице на голову падает сосулька. Все спрашивают, из-за чего она умерла. Им говорят: из-за сосульки. Хи-хи, сосулька. То есть, потом спохватятся и состроят траурное лицо, но первая реакция будет именно такая. Вот ужас, правда?! У всех в памяти ты навсегда останешься ассоциированной с сосулькой. Или со свиным гриппозным рылом.

И блондинка мечтательно нараспев повторила:

— То ли дело: «Погиб в автокатастрофе...» Или: «Погиб под колёсами автомобиля...» Тоже романтично.

Её речь вызвала большое одобрение у всех, только соседка в платочке загрустила. Тихонько тронула Ивана Кирсаных за руку.

— Как вы думаете, моему Костику ведь не было больно, правда? Он тепло был закутан, тогда зима была, — она начала перечислять, загибая пальцы: — Сначала маечка (от крови и грязи так и не отстиралась). Рубашечка клетчатая с начёсом, пуловер с зайчиком, жилетка двойной вязки. Шубка мутоновая, штанишки стёганые... Вот я всё думаю: Костику не было очень больно, правда? Жилетка-то двойной вязки, — особые надежды она возлагала почему-то на жилетку.

Иван Кирсаных не знал, что на это сказать. Блондинка ему шёпотом сердито объяснила: «Чего тут не понять? Сынок у неё под джип попал». И очень спокойно, даже грубовато обратилась к женщине:

— Господи, она сомневается. Ну, сама попробуй: защеми дверью голый палец — или толсто забинтованный. Есть разница?

Они вышли из-за стола и тут же поэкспериментировали. Замотали палец женщине сначала носовым платком, салфеткой и потом ещё подолом юбки (а ведь на Костике шубка была и

жилетка двойной вязки — никакого сравнения). И несколько раз с силой прихлопнули дверцей вагончика.

«Совсем, совсем не больно!»- женщина тихо просияла и медленно пошла вдоль стола, шепча что-то под нос и торжественно неся укутанный палец перед собой. Но уже через минуту, видимо, забыла про эксперимент, и с другого конца стола слышалось: «Правда, моему Костику не было больно? На нём была маечка, пуловер с зайцем и т. д.»

Тут-то Иван Кирсаных вспомнил. В соседнем дворе джип, разворачиваясь на детской площадке, задавил мальчика Костика. Но ведь и маму подмяло под машину, и она тоже... того. Жмурик. Иван Кирсаных смутился.

А веселье за столом нарастало, вино ударяло в головы, голоса набирали силу, языки развязывались.

— Светочка, вы снова перепьёте, как в день своего восемнадцатилетия, — сладко обратился к юной байкерше человек со шрамом.

— В жизни раз быва-а-ает.

Восемна-а-адцать лет! — оглушительно грянули гости песню Пахмутовой, обняв друг дружку за плечи и закачавшись, как в игре «море волнуется — раз, море волнуется — два».